

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Депеша (Сибирские рассказы)

Впервые опубликован в газете «Приднепровский край» 1899, №№ 407 и 416, 21 февраля и 3 марта. Датирован 1889 г. по «Библиографическим записям» Мамин-Сибиряка, хранящимся в ЦГАЛИ в Москве. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 г. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. IV, М., 1905.

Содержание

#1.....	0005
I.....	.0005
II.....	.0010
III.....	0016

Дворецкий Иван Андреич в обыкновенное время имел очень важный вид, а перед праздниками точно замерзал в собственном величии. Последнее объяснялось тем, что к новому году подавались всевозможные счёта» являлись комиссионеры, поставщики и разные темные личности, напоминавшие шакалов. У Ивана Андреича было всего два ответа: «Барина нет дома» и «Барин спит». В том и другом случае ничего нельзя было поделать. Исключение представлял новый год, когда Иван Андреич получал уполномочие от опеки производить расчеты за молодого барина, с тем условием, чтобы счета были подписаны.

— Канитель известная... — ворчал старик, надевая золотое пенсне. — Все хотят урвать живым мясом, потому как наш барин, по молодости ихних лет, ничего не понимают.

Молодой барин, который ничего не понимал, носил очень громкую историческую фамилию: Мездрин-Ухватов. Эта фамилия выдвинулась в темное время бироновщины, когда родоначальник всех Мездриных-Ухвато-

вых отличался особой преданностью временщику. Затем следовал длинный период, когда Мездрины-Ухватовы как-то были позабыты историей и снова воссияли только во времена аракчеевщины. К этому периоду относится накопление фамильных богатств, отчасти благоприобретенных личным усердием, а отчасти полученных через родство с другими богатыми фамилиями. В эпоху реформ Мездрины-Ухватовы опять были забыты неблагодарными современниками, хотя и не теряли надежды, что в свое время их призовут. Настоящее положение фамилии было в таком виде: глава семьи, Елена Анатольевна, проживала в теплых краях, как говорил Иван Андреич, а дети — в Петербурге. Старший сын, Платон Ефимыч, когда-то служил в одном из дорогих кавалерийских полков, а сейчас проживал в собственном дворце на Большой Морской и занимался отчасти меценатством, поощряя молодые таланты в области хореографии, а отчасти изобретением какого-то необыкновенного соуса, который должен был обессмертить фамилию Мездриных-Ухватовых на всех ресторанных счетах. Впрочем,

Платон Ефимыч был очень добрый и доверчивый человек, которого не разоряли и не обирали только ленивые.

Младший отпрыск Мездриных-Ухватовых точно отказался от семьи и жил отдельно. Когда он был бебе, мать любила его показывать своим гостям и таскала за собой по теплым краям. Маленький Коко начал свое образование в Англии, где у него была строгая миос; потом он очутился в Швейцарии, в одном привилегированном пансионе, где маленьких знатных иностранцев морили голодом; потом он попал в католический монастырь в Италии, где и был позабыт до шестнадцати лет, когда получил право, выбрать себе опекуна. Его выписали в Петербург, и старый дворецкий Иван Андреич занялся окончательным воспитанием молодого набоба.

— Ничего, вот поступим в гусары или уланы, тогда все пойдет само собой, — рассуждал верный слуга. — Славу богу, не какие-нибудь другие протчие... Кто не знает Мездриных-Ухватовых!

Увлечшись фамильным величием, Иван Андреич по пальцам перечислял все мезд-

ринские сокровища: в Крыму — виноградники, в Каспийском море — рыбные промыслы, в Сибири — золотые прииски, в степи — два соленых озера, в Олонецкой губернии — пятьдесят тысяч десятин леса, в Оренбургской губернии — целый заводский округ, и т. д., и т. д. Как ни мотали Мездрины-Ухватовы, как их ни обирали разные приспешники и опекуны, — фамильные богатства были неистощимы.

Собственно, семья Мездриных-Ухватовых как семья давно уже не существовала, именно с того момента, как кончился блестящий петербургский период Елены Анатольевны, и она, не желая переживать своей славы бывшей красавицы, навсегда переселилась в теплые края. При ней состоял тоже преданный старый слуга, Максим Алексеич, который, помимо всяких других дел, заведовал всеми семейными обязанностями, то есть в определенные дни годовых праздников, рождений и именин писал и отправлял детям от имени Елены Анатольевны стереотипные телеграммы.

— Ты знаешь, что нужно написать, и, по-

жалуйста, не беспокой меня этими глупостями, — сказала ему раз навсегда Елена Анатольевна. — Меня это расстраивает...

В свою очередь, Иван Андреич писал и отсылал телеграммы от имени своего молодого барина Елене Анатольевне. Читали эти телеграммы только-эти двое верных слуг, поддерживая священный огонь на семейном очаге. Иван Андреич называл телеграммы по-старинному — депешей.

Итак, накануне нового года Иван Андреич принял торжественный вид и приготовился вперед к целому ряду неприятностей. Молодой барин вернулся домой только утром и проспал до самого вечера. Иван Андреич принимал по делам в особой комнате, которую называл конторой. Лакей, известный под именем Гришки Отрепьева, знал, что будет происходить, и весело ухмылялся вперед, потому что и на его долю перепадало кое-что от дорогих гостей со счетами.

Первым явился служащий татарин из загородного кабака.

— Куда прешь? — оборвал его Гришка Отрепьев.

— Мне бы Ивана Андрея...

— То-то вот: Ивана Андрея, — передразнил его Гришка Отрепьев. — Подождешь.

— Кто там? — спросил Иван Андреич, слышавший из коридора, как Гришка Отрепьев дерзит кому-то.

— Махмудка из «Пукета».

Дело Махмудки было очень несложное: не

заплачено по трем счетам, взято на извозчика десять рублей, следовало получить за облитое красным вином платье цыганской певицы Евгеша, потом «уважение» прислуге к празднику — и только. Иван Андреич посмотрел счет, покачал головой и проговорил:

— Любую половину, а под счетом подпишешься, что получил все сполна. Понял? Это не для меня, а для опеки.

Настеганный служающий татарин спорить и прекословить не стал, получил половину, расписался на счете и удалился.

За татаринoм явились два лихача, потом тапер из «Букета» (взято на извозчика десять рублей, кроме игры), потом закройщик от модного портного. Появление, этого номера всегда волновало Ивана Андреича. Ну, скажите, пожалуйста, какой это порядок, ежели по счету за сюртук нужно было уплатить сто сорок рублей, за летнее пальто двести, за штаны по сорока? Голова Ивана Андреича качалась, как маятник старинных часов, пока он проверял портняжную бухгалтерию. Приходилось переплачивать по крайней мере в шесть раз против настоящей цены.

— Что же это такое? — взмолился старик, прикидывая итог на счетах. — Дневной грабеж.

— Это дело хозяйское, Иван Андреич, — отвечал закройщик. А наше дело маленькое... Действительно, нужно получить с вас десять рублей, которые я заплатил за вашего барина лихачу.

— Десять рублей?

— Спросите их сами... Значит, как у них не было при себе — мелких.

Эти «десять рублей» являлись везде и возмушали верного раба больше всего. И как не стыдно срамиться барину перед такими холуями...

Все эти мелкие счета раздражали Ивана Андреича именно своей, ничтожностью. А главное было впереди. Старик чутко прислушивался к каждому новому звонку и по лицу Гришки Отрепьева догадывался, что опять пустилки. Подали счет из голландского магазина белья, где, между прочим, значилось две дюжины женских рубашек и дюжина ночных кофточек, что заставило Ивана Андреича вздохнуть и улыбнуться: молодой барин

быстро делался настоящим Мездриным-Ухватовым. Был даже счет из макаронной фабрики.

Наконец явился и он, то есть вежливый, приличный, улыбающийся француз с распущенными, как у кота, усиками.

— Как поживаете, Иван Андреич?

— Благодарю вас, m-г Кабо. Как вас господь носит?

Французик только вздохнул и закатил глаза. О, как трудно иметь дело с настоящими русскими боярами, которые умеют только подписывать счета из ресторанов, а деньги получать с которых так трудно! Иван Андреич чувствовал, как он холодеет, ожидая рокового удара. В прошлом году m-г Кабо преподнес ему счетец ни больше ни меньше как в одиннадцать тысяч, и старику пришлось доплатить из своего кармана, чтобы не конфузить молодого барина перед опекой. Годика через три будет в совершенных летах и тогда за все рассчитается.

— Да, трудненько, Иван Андреич, — тараторил m-г Кабо, потирая короткие ручки. — Я уж не знаю, как нынче вывернется мой хозя-

ин. Мы ведь должны всем верить, чтобы поддержать честь заведения, а это дает страшные убытки... Двое наших клиентов застрелились перед рождеством, и — кнопс! — мы ничего не получим по их счетам; третий — тоже очень хороший человек — сослан в Сибирь... за неосторожное обращение с чужими бланками на векселях, а за четвертого мы даже сами заплатили, пока умрет его дядя. Вообще, очень и очень трудно.

М-г Кабо даже расчувствовался и уже полез в отдувавшийся боковой карман своего щегольского смокинга, как вошел Гришка Отрепьев и сунул Ивану Андреичу чуть не в нос телеграмму.

— Из Парижу...

— Хорошо, убирайся вон, — рассердился Иван Андреич, откладывая «депешу» в сторону.

М-г Кабо молча положил на конторку общий счет своего ресторана и кипу оправдательных документов с подписью ничего не понимавшего молодого барина. Иван Андреич, взглянув на итог, просто онемел: проклятые французики «заитожили» целых трид-

цать шесть тысяч.

— Это... это... это что же такое? — бормотал старик. — Нет, я не могу... Обращайтесь к опеке.

— Нам все равно. Можете проверить все счета.

Иван Андреич по привычке взял один счет и дочитал только до поросенка, оцененного в шестнадцать рублей.

— Нет, нет, я ничего не знаю, — застонал он.

— В таком случае до свидания-с...

— Всего хорошего.

Когда француз ушел, Иван Андреич отдал приказ никого больше не принимать. Он был возмущен до глубины души этим кабацким счетом. Вот так Николай Ефимыч, даже весьма отличились!.. Прежде Платон Ефимыч по гусарской своей части сильно кутили, и тоже бывали аховые счета к Новому году, но там военное дело было, невозможно никак иначе, а Николай по-штатски какие поступки начинает поступать.

— Вот ужо зададут опекуны жару и пару, а то и совсем просто сделают — пошлют проклятому французу цидулку: «Так и так, счета подписаны несовершеннолетним, и мы не желаем платить». Эх, не посмотрел, есть ли марки гербовые на счетах, а то в окружном суде здорово бы подтянули французишку... Да и счета еще вот как надо проверить. Шестнадцать рубликов поросенок... На такие деньги мужичок может коровушку купить, детки с молочком бы были... Эх, Николай Ефимыч, Николай Ефимыч! Тоже хорошо вот две дюжины женских рубашек — двести сорок руб-

ликов плакали. Это уж штуки немки Берты. Очень она жадна на одежду... И кофточек захотела... Тьфу!..

Благодаря болтливости кучеров, швейцаров и разных служащих Иван Андреич отлично знал все шашни молодого барина и смотрел на многое сквозь пальцы. Например, немка Берта еще ничего, можно терпеть. Француженка Клеманс — ну, эта похуже. Эту рубашками да кофточками не утетишь, а больше по ювелирной части. А хуже всех англичанка Свен — та прямо потребовала дачу в Павловске, полный выезд и прочую сервировку, какая полагается на ихнем гусарском положении. Тоже, хоть и девицы, а своя служба, в этом роде...

А молодой барин все спал и спал. Иван Андреич два раза посылал Гришку Отрепьева в спальню, и тот возвращался ни с чем: спит молодой барин.

— Врешь ты все, непутевая голова! — обругал его Иван Андреич и направился сам.

Надо переговорить, а то француз увертлив, наврет не знаю что. Как это язык этот французский поворачивается на такие слова:

тридцать шесть тысяч... Ведь на такие деньги церковь можно выстроить где-нибудь в бедной деревушке.

Молодой барин действительно спал и, когда Иван Андреич его разбудил, страшно рассердился.

— Э... э... Что там случилось? Пожар? Наводнение?

— Николай Ефимыч, тут, значит, француз этот...

— Какой француз?

— А этот... Из ресторана... Счет в тридцать шесть тысяч приволок... Как же это так?

— Очень просто: гони его в три шеи и сам убирайся вместе с ним к черту...

— Это уж как вам будет угодно... — обиделся старик.

— Именно мне это и угодно: к черту, в ад, в пекло...

Иван Андреич обиженно удалился и долго ворчал.

— Ну и пусть платит опека... Мне-то какая печаль? Кажется, уж стараюсь вполне, из своей кожи готов вылезти...

Потом у Ивана Андреича явились такие

мысли: положим, молодой барин его обругал и даже выгнал, только ведь он это сделал спросонья, да и так все равно ничего не понимает. Пусть там опека считается с проклятым французом... Да ежели рассудить правильно, так что такое для Мездриных-Ухватовых тридцать шесть тысяч? Наплевать — только и всего. Конечно, обидно платить французишке за «здорово живешь», ну, да, видно, ничего не поделаешь.

Вернувшись к себе в контору, Иван Андреич увидел лежавшую на конторке «депешу» и подумал вслух:

— Ну-ка, что нам изобразил Максим Алексеич... Хе-хе! Тоже по-французски нажаривает старик... Ох, грехи, грехи!..

В сущности, Иван Андреич вперед знал содержание этой праздничной телеграммы из Парижа, но все-таки, для порядка, оседлал нос пенсне и прочел вслух:

— «Же фелисит мон Коко де ля нувель анэ»... Так-с. Ах, старый хрен... А тут еще прибавил что-то...

Старик напрасно старался разобрать прибавку и швырнул телеграмму.

— Это старый хрен надо мной хотел пошутить, а мы ему брякнем: «Же фелисит ма шер мер де ля нувель анэ»... Хе-хе!..

Эти две стереотипных французских фразы аккуратно пересылались между Петербургом и Парижем несколько лет. Иван Андреич списывал с бумажки заученную фразу, как делал и Максим Алексеич.

В приписке, которую Иван Андреич не мог разобрать, стояло: «Votre mere est morte», хотя телеграмма и была за подписью Елены Анатольевны, то есть покойницы, которая сама извещала о своей смерти.

Истина раскрылась только на другой день, когда к Коко приехал опекун. Молодой барин с недовольным видом проговорил, вызвав Ивана Андреича:

— Ну, вы там что-нибудь телеграфируйте... Одним словом, такое...

Опекун стоял у окна, спиной к ним, и чистил щеточкой ногти.